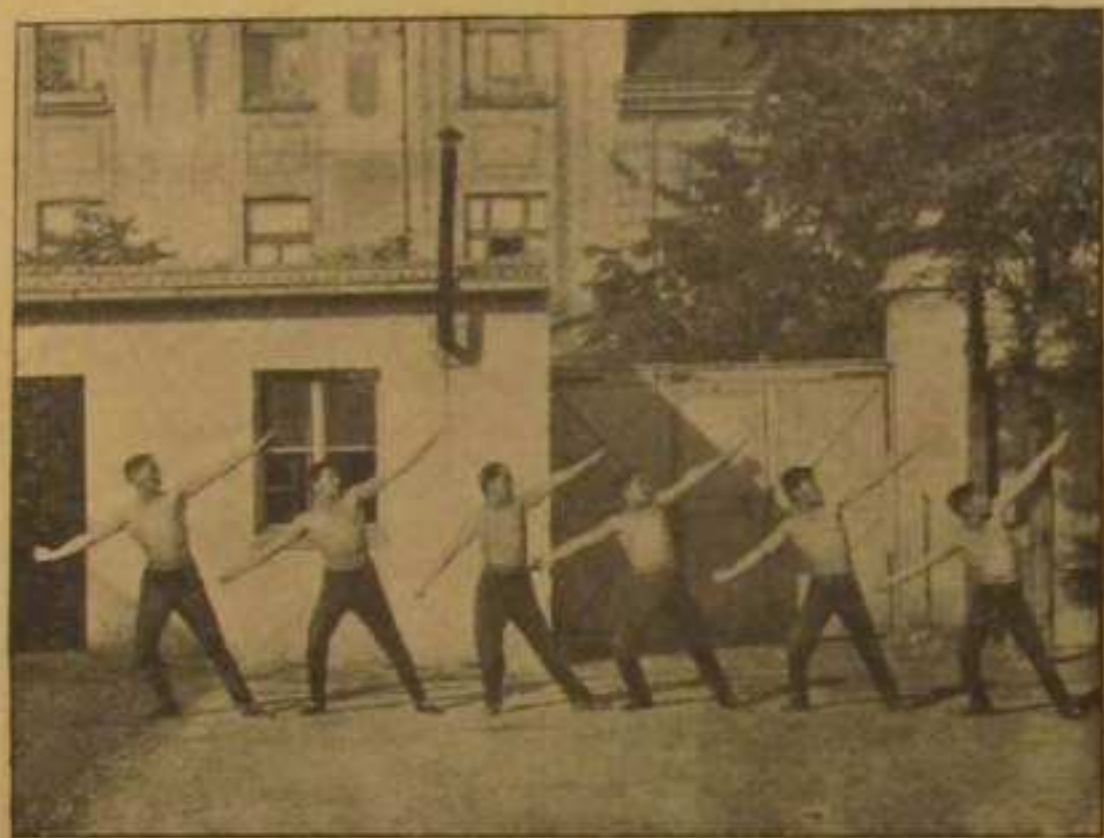

дая и послѣдовательно развивая в нем интерес ко всему здоровому и возвышенному.

Сокольское дѣло, — дѣло глубоко національное, потому что воспитывает в народѣ стремленіе к усовершенствованію тѣлесному и нравственному и к развитію своеобразных особенностей народнаго характера. То обстоятельство, что все видные дѣятели современной чехословацкой государственности, включая профессора Т. Г. Масарика — перваго Президента Республики, вышли из нѣдр сокольских общин, служит ярким подтвержденіем этого положенія.

Чешскіе Соколы — это нѣчто в родѣ «бонгуд» Джангара, Хонгора, Алтан-Чеджи и т. д. Это в родѣ желѣзных кагорт, корпусов «батрумуд» Чингис-Хана.

Сокольскія упражненія.

Желѣзную волю, стальные мышцы, соколиную мѣткость, ловкость, стремительность — вот что должно воспитывать Сокольство. И философія и искусство — малому стать сильным и непреодолимым, как великому — вот что воплощает сокольское движеніе.

Совершенная мысль и совершенное искусство — единственно, что возвышает и дѣлает сильным, мощным народы. Чѣм меньше народ численно, тѣм заботливѣе он обязан усиливаться духовно и морально.

В борьбѣ с огромным германским міром чехи постигли и воплотили указанные мысли.

Если бы нужно было коротко калмыку передать сущность Сокольства, то пожалуй правильно было бы сказать: усовершенствованіе «біе, келэн, сеткэл горво», т. е. тѣла, мысли и души.

Современное состояніе Калмыцкаго народа не только в Европѣ (Россіи), но и в древней Родинѣ — Азій таково, что мы с особенным вниманіем и любовью должны остановиться на гениальных мыслях творцов Сокольской идеи Чехословацкаго народа. В противовѣснѣ нерѣдко высказываемым слезливым разсужденіям: нас, калмыков, так мало, мы безсильны и безпомощны, мы всегда и неизмѣнно должны указывать совершенствуйте «біе, келэн, сеткэл горво», совершенствуйте нашу національную мысль, питайте ее без конца просвѣщеніем, возвышайте без конца морально нашу душу и

укрѣпляйте наше тѣло, давайте ему гармоническое развитіе.

И тогда мы скажем: «Сим побѣдите»...

Вот чему может нас, калмыков, научить идея Сокольства. *Эрдэнэ Николаев.*

Памяти полковника Тепкина Г. Э.

Среди многих и невознаградимых потерь, понесенных нами, калмыками, в русской междуусобицѣ, одна потеря особенно чувствительна, одна смерть особенно памятна.

Это — смерть полковника Тепкина Гавриила Эрдневича.

Несомнѣнно, что горе это было не только горем его родных и близких друзей, но и горем всего Зюнгарскаго Калмыцкаго полка.

Недаром в грустной пѣснѣ, сложенной казаками в его память, поется:

«Маниге кѣтликче Тепкин нойон,
Мани хутук болвута,
Мани хутук болбучин,
Маниге ягатха гибюта».

Прошло уже 6 лѣтъ со времени его смерти. Время богатое переживаніями многое уже изгладило из памяти, но память о Тепкинѣ еще так свѣжа и крѣпка, что невольно хочется поделиться с братьями воспоминаніями о нем.

Сын казака коннозаводчика Денисовской станицы, окончив Новочеркасское реальное училище, поступил там же в Казачье военное училище. Перед самым началом великой войны в 1914 году из старших портупей юнкеров названнаго училища он был произведен в первый офицерскій чин.

По мобилизаци он попал в 22 Донской казачій полк, формируемый из казаков второй очереди в станицѣ Нижне-Чирской.

Взводным офицером 5 сотни этого полка он выступил на фронт.

Веселый и общительный характер, аккуратность и знаніе своих служебных обязанностей и храбрость в боях скоро сдѣлали его любимцем полка.

Германскую войну он кончил в чинѣ подесаула на должности полковаго адъютанта.

Послѣ разложенія Россійской арміи, он, в числѣ немногих офицеров полка, прибыл с полком на Дон.

Когда большевицкая волна в очередном порядкѣ захлестнула и Сальскій округ, Гавриил Эрдневич не пошел на поклон к новой власти. Долго он скрывался, не имѣя иного выхода, от преслѣдованій мѣстных и окрестных крестьян.

При первом же достовѣрном извѣстіи о бѣлых отрядах он с 5—6 казаками своего хутора среди бѣлаго дня, проскакав сквозь цѣпь красных, присоединился к отряду полковника Топилина.

Командиром сотни 61 Донскаго казачьяго полка он продѣлал поход до Сарепты у Царицына и обратно, участвуя во всех дѣлах.

К веснѣ 1919 года он был старшим адъютантом штаба конной дивизіи. К осени того же

года он был начальником штаба отдельной конной бригады уже в чинѣ полковника, побывав за это время во всѣх промежуточных чинах.

Признаю, что эти свѣдѣнія слишком обрывочны и неполны, но к сожалѣнію до принятія Тепкиным Зюнгарскаго полка я не имѣл случая быть с ним вмѣстѣ и поэтому не имѣю возможности дать болѣе подробныя свѣдѣнія о нем за этот значительный період его жизни вѣроятно богатый интересными моментами.

В январѣ 1920 года по расформированіи сводной бригады он неожиданно получил в командованіе на законном основаніи Зюнгарскій Калмыцкій конный полк.

Признаться, мы — калмыки казаки и офицеры — частенько поговаривали о Тепкинѣ, как о желанном и достойном командирѣ, но надѣяться на такое быстрое исполненіе наших желаній основаній не имѣли. И чѣм неожиданнѣе произошло его назначеніе, тѣм радостнѣе оно было нами встрѣчено.

Нам показалось тогда, что наше фронтовое начальство награждает наш полк этим командиром.

Как сегодня, помню день его приѣзда и приѣма полка:

Восьмого января полк наш стоял в селѣ Процыковом не далеко от села Веселаго на Манычѣ.

Ясный, морозный зимній день клонился к вечеру.

Предполагая возможность перехода на ночь в другое село, мы с полковником Сергѣевым (командиром полка) собирались пораньше поужинать, сдѣлав такое распоряженіе и по сотням.

Давно недоѣвній «шѣлюн» и чашка варенаго мяса непривлекательно дымились на столѣ.

Вдруг, стук в дверь... Вошел с потемнѣвшим от мороза лицом Тепкин. «А, Гаврюша!» — воскликнул Сергѣев.

«Здравствуй, Володя!» — отвѣчал вошедшій.

Дружески поздоровались, видно было, что они давно и коротко знакомы.

«Ну, Володя, ты ради Бога не подумай, что-нибудь, представь себѣ, что я и сам не ожидал этого назначенія» — прервал воцарившееся на миг молчаніе Тепкин.

«Ты непричем, я даже рад, что сдаю своих Зюнгарцев тебѣ, а не кому-нибудь» — отвѣчал Сергѣев, повидимому уже знавшій о своем отрѣшеніи. Он утром ѣздил в штабриг и вернулся оттуда мрачный.

Через полчаса, на сѣверной окраинѣ хутора, на ровной бѣлоснѣжной полянѣ, в развернутом сомкнутом иѣшем строю стоял Зюнгарскій полк. На правом флангѣ, в руках лихого ординарца Минаева развѣвался желтый освещенный значек полка с изображеніем «Дѣчи Тенгир», благословеніе полку покойнаго Ламы Борманджинова.

К полку подошли старый и новый командиры с чинами штаба полка.

«Полк, смирно! господа офицеры!» — раздалась команда В-старшины Мартынова.

Маленькаго роста, но хорошо сложенный с красивым смуглым лицом, Тепкин отдѣлился вперед и подошел к полку.

«Здорово братцы!» — обычное привѣтствіе в Донских частях, но на этот раз, из уст Тепкина оно зазвучало, как-будто по иному, — тепло и родственно.

Обычный отвѣт полка был дружен и громок.

Выйдя против середины полка Тепкин сказал: «Безмѣрно рад, безконечно счастлив, что в эти трудные дни мнѣ придется драться с красными, командуя своими братьями, родными Зюнгарцами.

До сего времени я не был еще с вами, но все время слѣдил за вашими дѣлами.

Каждая побѣда ваша давала мнѣ радость и гордость, но каждая капля пролитой вами крови болью отзывалась в моем сердцѣ.

Вот уже два года молодцами работаете вы наравнѣ с своими Донцами, надѣюсь, что и дальше, под моей командой, ваша работа также будет блестяща».

Эти немногія, но с искренним чувством произнесенныя слова вызвали громкое обѣщаніе полка.

«Вахмистра, ведите сотни по квартирам, господа офицеры ко мнѣ».

Офицеры подходят и представляются.

Тепкин спрашивает, кто с какого времени в полку и т. д.

Так произошел приѣм полка.

Не успѣли вернуться по квартирам, как пришло приказаніе о переходѣ полка на ночь в село Веселое.

За два года своего существованія полных всевозможных боевых случайностей, видѣвшій всяких командиров, храбрых, как Губкин, Никулин, неспособных, как А. и Г., Зюнгарскій полк в первых же боях оцѣнил Тепкина.

Общее отступленіе антибольшевицкаго фронта, героическія попытки Донской конницы разбить противника на своем участкѣ, ежедневные бои, атаки, ночные налеты и при этом жертвы и жертвы без конца, вот обстановка, при которой вступил Тепкин в командованіе полком.

Но, несмотря на общій неуспѣх, на хаотичность обстановки, он все же сумѣл показать себя, стяжая уваженіе и полка и начальства.

Разсудительно — храбрый, честный и строгій в отношеніи служебных обязанностей, первым долгом к самому себѣ, он как-то заставил полк невольнo и замѣтно подтянуться.

Причем все это достигалось не путем каких-нибудь сногшибательных выходов, отборной брани, криков и прочих излюбленных приѣмов командиров гражданской войны типа покойнаго Р. Лазарева, а просто, фактом своего наличія, своим личным примѣром благородства, корректности, своей выдѣляющейся порядочностью на фонѣ большинства командиров гражданской войны.

Главный казачій экзамен для оцѣнки командиров — бои и атаки — Тепкин выдержал безукоризненно.

Всегда водил полк сам. При отступлении нельзя было увидѣть его взволнованным, торопящимся.

При всем этом у него не было и тѣни бравады своей храбростью. Всякое дѣло выходило так, как будто иначе и не могло быть. И именно это качество было в духѣ Зюнгарцев.

Зюнгарцы любили храбрецов, но храбрецов не ради самой храбрости, а ради дѣла, в силу выполненія заданія.

Безлично стало к Тепкину наше уваженіе. Мы просто полюбили его. При нем мы впервые почувствовали себя в своем полку, как в родной семьѣ.

Раньше посѣщеніе офицерами штаба полка вызывалось непременно каким-нибудь дѣлом, а

Полковник Г. Э. Тепкин.

теперь посѣщенія запросто, даже ночевки стали обычным явленіем.

Для нас, молодых офицеров, он оказался хорошим начальником, примѣру котораго старались слѣдовать в боях, а внѣ службы был заботливым другом.

Для казаков строгим, но любящим отцом, хотя этому отцу было всего 29 лѣтъ. Видно стало нам, что и начальство фронтовое относилось к Тепкину внимательно. Нам стало казаться, что и ко всему полку оно стало при Тепкинѣ относиться лучше, чѣм прежде.

Чтобы не быть голословным приведу нѣсколько случаев из жизни полка во дни командованія Тепкина.

В бою под станицей Егорлыцкой, когда нашему полку дан был участок с правом дѣйствія на нем по усмотрѣнію командира, когда настал момент атаки, Тепкин повел сам 4 сотни в атаку и был ранен.

В этой атакѣ он с успѣхом мог бы остаться при резервныхъ сотнях, послав в атаку одного из дивизионеров.

Но он не любил оставаться при резервах, а всегда старался вести сотни в атаку сам.

На черноморском побережьи, когда при плохих квартирныхъ условіях заболѣлъ один из командировъ сотен, Тепкин распорядился положить больного к нему на квартиру, рискуя этим и самому заразиться тифом.

Во время стоянки нашей дивизіи в районѣ

Адлера красное командованіе предъявило нам ультиматум о капитуляціи.

Ультиматум этот обсуждался по полкам, большинство которых послѣ бурныхъ митингов рѣшилось на капитуляцію.

Только наш полк не митинговал, а будучи собранным, выслушав условія сдачи, дружно предоставил командиру полка право поступить так, как он найдет нужным.

Вот как довѣряли Зюнгарцы своему командиру Тепкину.

Когда немногія части войск, не захотѣвшія сдаваться красным, собрались на берегу моря в ожиданіи пароходов, командир нашей бригады Семенцов, считавшійся энергичным и способным генералом, подошел к Тепкину и при миѣ сказал буквально слѣдующее:

«Знаешь что, Гаврюша, миѣ жаль Зюнгарцев и тебя, зачѣм пойдете в Крым? Вѣдь Крым, это — ловушка, он через недѣлю падет; и нечего шептать в кулак, вы всѣ там погибнете».

«А, что же дѣлать?» — спросил Тепкин.

«Веди ты своих Зюнгарцев за мной. Прорвемся в Грузію, интернируемся, заведем переговоры с Москвой и вернемся по домам на болѣе легкихъ условіях. Борьба кончена, героизма излишни».

«Нѣтъ, я не согласен, если есть мѣсто, гдѣ наши еще дерутся, мой долг — вести полк туда, не думая о том, сколько там продержатся» — отвѣтил Тепкин и отвернулся от комбрига.

Так понимал он свой долг.

Во время стоянки полка в Ак-Мечети (в Крыму) один взвод одной сотни отказался выйти на занятіе, ссылаясь на недоѣд.

Командир сотни, не принявъ никакихъ мѣръ к самостоятельному разрѣшенію, пришел и доложил командиру полка, как о происшествіи. Тепкин немедленно пошел в ту сотню и достаточно было его одного спокойнаго приказанія, как поблѣднѣвшіе казаки молча построились. Командир полка имъ объяснил, что означает их выходка, чѣм это может кончиться, если он поступит так, как должен был поступить в такомъ случаѣ.

Казаки струхнули и начали просить прощенія.

«Ординарец, дать им по одной плети!»

Плети даны, казаки прощены, командир сотни получилъ хорошій выговор и инцидент был, как говорится, исчерпан, быстро, а главное шито и крыто.

Это было время Врангелевскихъ «драконовскихъ» мѣръ и стояло командиру отнестись къ этому случаю с точки зрѣнія закона, взвод этот мог исчезнуть безслѣдно.

Но Тепкин, кромѣ обязанности по службѣ, руководствовался желаніемъ сохранить жизнь своимъ калмыкам и выход былъ найденъ скоро и рѣшительно.

Также строго относился Тепкин и къ редуціи офицеровъ полка.

Одинъ очень боевой командиръ сотни, довольно долго находившійся в рядахъ Зюнгарцев, нѣкто Ч., навлекъ подозрѣніе в небрежномъ отношеніи к чужой собственности.

Тепкин ни на минуту не поколебался стрѣ-

шить его от командования сотней, а потом и удалить из полка.

В таких случаях не дѣлалось никакого различія между калмыками и русскими.

Двое офицеров калмыков без разрѣшенія отлучились в Адлер во время нашей стоянки в имѣніи Похвиснева «Отрадное».

По возвращеніи оба получили жестокой выговор и отсидѣли под арестом.

Как ни часто бывал Тепкин в опасных и кровопролитных боях, судьба хранила его нам и не на полѣ брани он умер.

В июль мѣсяцѣ 1920 года, однажды, послѣ ночного набѣга на Бердянск, Тепкин почувствовал себя нездоровым.

Однако дня два больным водил полк. Приглашенный врач нашел, что температура 39 и что необходимо ѣхать в тыл.

Но Тепкин поѣхал лишь тогда, когда прибыл ему приглашенный им самим замѣститель полковник Бобров. В ожиданіи его прошел лишній день. Только послѣ этого он поѣхал в обоз.

Никто из нас не думал, что полк послѣдній раз видит своего любимаго командира.

К несчастью, оказалось так. Тепкин заболѣлъ брюшным тифом. Послѣ непродолжительнаго времени болѣзнь была преодолѣна. Больной выздоравливал, уже ходил и, соблюдая діету, кушал.

Я часто доносил ему о событіях в полку, о котором он так беспокоился. Согласно моим сообщеніям он иногда дѣлал тѣ или иныя распоряженія не боевого характера.

Возвращеніе его в полк ожидалось со дня на день.

Как раз к этому времени пріѣхала в обоз полка калмыцкая делегация из тыла, состоящая из хурульных бакшей, атаманов бѣженских станиц, членов круга и других дѣятелей для врученія нашему полку какого-то чудодѣйственнаго знамени.

Ожидался для этой надобности и Донской Атаман.

В обозѣ им дали, что-то вродѣ официалаго обѣда, на котором Тепкину, уступая настояніям знатных гостей, пришлось немного нарушить діету. На другой же день он слег снова и не вставая через двѣ недѣли умер в страшных мученіях.

Весь полк хотѣлъ сняться и идти отдать воинскую почесть своему командиру. Но по сложившимся на фронтѣ обстоятельствам нельзя было этого сдѣлать.

Прибыл только один взвод с нѣсколькими офицерами.

На Песчанокотском кладбищѣ нашел полковник Г. Э. Тепкин мѣсто постояннаго покая 19 июля 1920 года, 29 лѣтъ от роду.

Велико было горе Зюнгарцев.

Они проклинали всѣх этих тыловых героев, которые в поисках случаев выпросить у уступчиваго на этот счет Атамана незаслуженные им чины и ордена и послужили косвенной или прямой причиной смерти не только хорошаго командира и единственнаго кадроваго офицера, но и одного из лучших калмыков.

Через недѣлю умерла от потрясенія, бывшая нездоровой, его жена и нашла мѣсто рядом с мужем.

Гаврил Эрдневич и Уля Савжиновна были удивительно нѣжной и на рѣдкость любящей друг друга парой.

И смерть ея вслѣд за мужем, как будто подтвердила, что они живыми не могли разстаться.

Близкій друг Тепкина, еще по германской войнѣ, сотник Мордвинцов свою прочувственную орошенную слезами надгробную рѣчь закончил так: «Спи, дорогой Гаврил Эрдневич, а память о тебѣ долго будет жить в сердцах твоего народа».

Хочется, чтобы было так.

Санжа Балыков.

1927 года, Чехословакія.

Джангар.

Калмыцкій богатырскій Эпос. Общее введеніе. Глава V. Булгарин Кюсюн Докшин Хара Санал. Перевод с Калмыцкаго.

Отпрыск хана Таки-Зула,
Внук хана Тансак-Бомбо,
Сын хана Уюзэнг-Алдар,
Одинокій в этом мірѣ Джангар...
Он родился во времена
Зарожденія Драгоцѣнностей,
Он родился во времена
Расцвѣта божественных ученій.
Едва достиг он двух лѣтъ,
Как владѣнія его завоевал
Сильнѣйшій богатырь Докшин-Мангус
И остался одиноким,
Осиротѣлый, гибкій Джангар...
На третьем году своей жизни,
Когда его коню Аранзал-Зардэ
Пошел второй год,
Он впервые сѣл верхом,
Разорвал пасть трем
Взрослым тиграм,
Заставил великаго хана
Гульджина подчиниться себѣ.
На четвертом году своей жизни
Он разорвал пасть четырем
Взрослым тиграм
И заставил великаго хана
Дердэнг-Шара-Мангуса
Подчиниться своей власти.
Как только пошел ему пятый год
Он захватил в плѣн
Пять ханов злых духов
И подчинил их своей власти.
На этом же пятом году своей жизни
Был сам плѣнен богатырем
Бѣкэ-Мѣнгэн-Шикширгэ.
Когда пошел ему шестой год,
Он разорвал пасть
Шести взрослым тиграм,
Сломал острія ста коней,
Взял в плѣн Алтан-Чеджи,
Владѣтеля дворца подобной картинѣ